

Высший пилотаж — превосходная степень сложности поставленной задачи, при решении которой подразумевается огромный объём аналитической или другой нетривиальной работы.

Словарь великорусского языка делового общения

В десятом часу утра известный на весь посёлок Борок забойщик скота Борис Борисович Борисов вышел на свои «дальние луга» — посмотреть, насколько там вызрели травы и не пора ли завтра, прихватив супругу Тамару, собираться с утра с косами да вилами. Он хотел провести свои угоды ещё вчера, благо денёк выдался хороший, но неожиданно явился из райцентра зять, и не один — привёз с собой корреспондента газеты. Пришлось, как ни отнекивался Борис Борисович, на вопросы настойчивого писателя отвечать. Хоть с неохотой, но разговорился. Рассказал об особенностях своей работы. Водил зятя с корреспондентом на ферму, провёл показательный забой бора в одном из дворов, привлекая в помощники гостей. Ну а потом, само собою, угостил чем Бог послал. Уехали гости довольные. Подвыпивший корреспондент прощался с ним горячо и называл мастером своего дела и первоклассным специалистом. Так весь день вчерашний и прошёл. Сегодня Борис Борисович решил ничего не откладывать и обязательно на покос сходить.

Он уже прошагал немало: поднялся в горку километрах в трёх от посёлка и вышел к берёзовой рощице, где его и догнал на мотоцикле сорокалетний скотник фермы Федька Просов.

— Борисыч, выручай! — взмолился Федька, остановив, но не заглушив мотоцикл. — Бычара вырвался, носится как угорелый по огороду, топчет картошку, разносит всё, что попадает ему под рога!

Федька тяжело дышал, голова его тряслась, глаза бегали.

— Ты же знаешь его! Быка моего... Приходил как-то усмирать... — тараторил Федька.

— Ну, помню...

— Он всегда же был как дикий... Я собирался его в совхоз продать, но там не берут, знают уже про его буйный нрав даже на центральной усадьбе. Вчера договорился с мясокомбинатом, в городе. Они живым весом согласились принять. А бычара, видимо, почуял: ночью несколько раз мычал в стойле... Утром вроде затих, я пошёл коров выгонять на пастбище, он смиренно стоял. К девяти мужики мясокомбинатовские приехали. Всё вроде нормально было: привязали ему верёвку к рогам, выводить из загона начали, а он в это время как рванёт! Вырвался, меня чуть не сбил, вынес калитку — и напрямик в огород: парники с огурцами своротил, поленницу дров рассыпал... — рассказывал сбивчиво Федька, — Что делать, Борисыч? Кроме тебя, никто не поможет.

— Он сейчас там, в огороде?

— Да. Я со стороны дома поломанную калитку телегой подпёр и чурками завалил, чтобы не выскочил во двор. Он по огороду мечется... Через плетень хотел сигануть, но у меня плетни высокие, ему не перепрыгнуть... Бегает по картошке.

— Ну, значит, пока никуда не денется... — сделал заключение Борис Борисович.

— Ага, не денется! — воскликнул Федька. — И картоху всю вытопчет, и забор разнесёт! Поехали, Борисыч...

Федька от волнения не переставая крутил ручку мотоцикла, то и дело добавляя газу. Борису Борисовичу стало жаль парня.

— Ну что с тобой делать? Поехали! — согласился забойщик, усаживаясь позади Федьки на выдавший виды и переживающий не первое десятилетие «ИЖ-Юпитер». — Гони свой драндулет. Опять на покос не попаду сегодня. А деньки стоят...

— Да ты не переживай, Борисыч, бычару сдам в городе и тебя вечером на покос твой отвезу.

— Ладно, поехали уже...

В посёлке на полторы сотни дворов было немало крупнорогатого скота. Около пятидесяти быков имелось в общественном стаде второго отделения совхоза, ещё примерно столько же — в личных подворьях. Конечно же, скотник фермы, а по совместительству забойщик скота, Борис Борисович Борисов знать их всех не мог. Он работал на откорме молодняка и различал быков и бычков, живущих на ферме, а в дома посельчан его

приглашали чаще всего уже на забой. Там он и знакомился с подготовленными на заклание крупнорогатыми. Но Федыкиного быка чёрной масти с белым пятном на лбу Борис Борисович знал и помнил. Особенно его глаза — неестественно налитые кровью. Этот бык смотрел не на людей, а поверх их, с каким-то своим бычьим превосходством. За свою жизнь забойщик имел дело не с одним десятком разной масти и разного характера крупнорогатых самцов, однако этот выделялся из всех. Борис Борисович знал, что Федыка звал своего быка Борькой, но, видимо, чтобы не обидеть забойщика, в его присутствии окликал не иначе как бычарой. Бычара с рождения выказывал непростой характер, требовал к себе повышенного внимания и дома, и на пастбище. Осматривали его и зоотехник, и ветеринар и давали Федыке свои рекомендации по уходу за быком. А пастухи с ним не церемонились — угощали часто плетью за непослушание. Раза два-три этот Борька пропадал из стада, и его искали едва ли не все скотники фермы. Один раз нашли аж за двадцать километров от посёлка, на скошенном поле в соседнем районе. А второй раз, Борисыч вспомнил, Борька бродил где-то двое суток, но потом сам пришёл к Федыкиному дому, ободранный и с вывернутым рогом. Вот тогда и пригласили к Борьке Бориса Борисовича. Бык не хотел есть, мычал и не подпускал к себе ни хозяев, ни ветеринара. Борисыч тоже не сразу нашёл к нему подход. На прикормку его было не взять. И хотя бык не проявлял явной агрессивности, к нему трудно было подойти, он отворачивался и мотал головой.

Борис Борисович тогда попросил ему не мешать. На всякий случай сунув свой нож по привычке за голяшку правого сапога и взяв в руки пучок свежего сена, он вошёл в сарай, где обитал и голодовал бык.

— Ну что, Борька из Борка, напутешествовался? Повидал другие места? — Борисыч говорил спокойно и монотонно, чётко произнося слова.

Он с самого детства так разговаривал с животными. Никто его не учил этому. Видимо, от природы заложена была в нём такая вот тяга к общению с «братьями меньшими». И в тот раз он Борьку уговорил, или заговорил, как сказал потом Федыка:

— Борисыч Борьку заговорил, и тот присмирел: и сено есть стал, и ветеринара допустил. Рог ему приладили на место, и он снова прирос.

Ещё родители Бориса запомнили и рассказывали соседям, как пятилетний их сынок разговаривал с синичками в огороде,

а те, сидели совсем рядом с ним, не прыгая и не чирикаая, и слушали его.

Заметили родители маленького Бориски, и то, что в присутствии их сына и куры, и поросята, и телята вдруг затихают и, подняв головы, смотрят на мальчика, словно ожидая от него какого-то приказа. А мальчик, бросая зерно или угощая сеном, ласково говорит им:

— Кушайте, кушайте, растите большие-пребольшие.

Помнили родители Бориса-младшего и то, как горько плакал и долго не мог успокоиться их маленький сынишка, увидев однажды, как выносят из сарая убитого из ружья поросёнка, разделявают его по частям, а потом жарят его печёнку и сердце на сковородке, засыпают солью сало, а из отрезанных ног и головы варят холодец. С Бориской, всегда спокойным мальчиком, случилась тогда истерика: он кричал, рыдал, даже бился в судороге. Мальчик долго потом не ел ни мяса, ни сала. Пил только молоко, заедая хлебом, и матери его стоило немало усилий, чтобы уговорить сына поесть борща или каши.

Когда Борис учился в школе, то вёл себя обособленно, ни с кем из детей не дружил. Бывало, опаздывал на занятия: оставался возле какой-нибудь пробегающей мимо собаки и разговаривал с ней. На уроках он часто задумывался, прислушиваясь к пению птиц за окном или мычанию проходивших по улице коров. Учителя вначале тревожились, глядя на такого ученика, но потом привыкли к его странностям, и некоторые из них, когда Борис стал постарше, даже прониклись к нему уважением. «Он понимает язык птиц и зверей»,— говорил о своём ученике вполне серьёзно учитель биологии.

Некоторые из посельчан отметили, что больше других животных Борис любит лошадей. Может подолгу бывать возле них, разговаривать, кормить, поить. Особенно к нему привязываются жеребята и не хотят потом его от себя отпускать, рвутся за ним, как за матерью, когда Борис собирается от них уходить.

Особенного Бориса иногда просили о помощи. Вначале он помогал в поиске потерявшихся домашних животных. Отыскивал отставших от стада тёлочек и бычков. Безошибочно знал, где искать оставленных без присмотра стреноженных лошадей, ускакавших с лугов. Лошадок он вызывался искать сам. Некоторые хозяева примерно знали, куда может уйти за день их конь или кобыла, но всегда с охотой разрешали Борису самостоятельно отыскать лошадку. И когда Борис прибежал и сообщал хозяину, что нашёл лошадь у ручья в распадке или в

берёзовой роще за автотрассой, то в благодарность за это они разрешали ему самостоятельно расстрелить коня и проехать верхом от того места, где лошадь была найдена.

Когда ребёнку исполнилось десять лет, некоторые соседи стали обращаться — сначала к родителям, а потом и к нему самому — с просьбами прийти к ним на подворье и поговорить с якобы заболевшим кабаном или барашком, поиграть с ними, почесать за ушком. И Борис безотказно приходил и говорил с кабанами, свиньями, овцами и быками. А пока он разговаривал с животными в сарае, в доме в это время готовились к забою: точили ножи или заряжали ружья...

Ему пророчили судьбу ветеринара или зоотехника, а он, закончив школу, пришёл работать в отделение совхоза, на ферму по откорму молодняка, где начинал помогать взрослым, ещё будучи школьником. Когда переходили в восьмой класс, в школе создали бригаду из учеников и преподавателей, вызвавшихся поработать в совхозе на летних каникулах. Вот тогда и попал Борис на ферму. Работа ему понравилась, и он больше не задумывался, куда пойдёт после школы и чему посвятит свою жизнь. И действительно, Борис Борисов стал на ферме примерным работником. Не один раз получал от руководства совхоза благодарности, почётные грамоты и денежные премии. Отправляли его делиться опытом на районные и даже краевые совещания и выставки достижений сельчан.

Забойщиком же стал он не по своей воле.

В Борке специалистом «нарасхват» по этому делу много лет до него слыл Коля-говорун. Так звали в посёлке странноватого одинокого мужика. Многие посельчане приглашали на забой своих свиней и быков именно его. Коля никогда не пользовался ружьём. Забой производил исключительно своим длинным ножом и всегда в одиночку. Помощников себе не просил. Наоборот, заходя в сарай для совершения дела, просил хозяев побыть в это время в доме. И делал всё быстро. Иногда с места забоя доносился до владельцев скота короткий предсмертный крик их бывшего питомца, но чаще животные даже не успевали открыть рта, как дело было сделано.

— Принимайте, работу, — всегда говорил Коля, выходя из сарая и вытирая тряпкой лезвие своего ножа.

Все знали, что Говорун не любит смолить паяльной лампой шкуру поросёнка или резать на части быка, что делали другие забойщики, поэтому нанимавшие его на разделке туши не настаивали. Договариваясь заранее только о забое,

рассчитывались с забойщиком, и Коля уходил. Правда, некоторые хозяева после выполненной работы приглашали Говоруна к вечеру «на свежинку». Он не отказывался. Не отказывался Коля и от рюмки-другой под жареное мясо или печёнку. Бывало, хмелел, говорил длинные речи, рассказывал байки о забойщиках и охотниках, но сильно не напивался. По улицам он не шатался, под заборами не лежал, сразу шёл домой, в свою квартиру в доме на два хозяина, что получил от совхоза.

Когда случалось провести на ферме массовый забой «выбракованного» крупнорогатого скота, то тут в помощь Коле, хочешь не хочешь, давали подсобников — одного или двух бойцов, в зависимости от того, сколько голов нужно было забить.

Сколько помнил Борис, Коля-говорун всегда ходил в выцветшей телогрейке, сапогах-кирзачах, с улыбкой на лице и с сигаркой-самокруткой в руках. Казалось, он всегда был в хорошем настроении, и кого бы ни встречал на улице, в магазине, поселковом совете, на почте — мужиков, баб, детей, стариков, — заводил с ними разговор. Ему было всё равно с кем, лишь бы поговорить. Со всеми находил тему для общения. Говорил Коля подолгу, не умолкая, часто не давая возможности слушавшему его вставить хотя бы слово. А чтобы подискутировать с ним, ответить на поставленные им же вопросы, у «собеседников» не было никаких шансов. Через полчаса непрерывного монолога Говорун спешил пожать слушателю руку и уходил. По пути, если случалось ему встретить ещё одного, на его взгляд, интересного человека, он начинал новую получасовую лекцию. Говорил о видах на урожай, о внешней и внутренней политике государства и даже о космосе и месте Земли во Вселенной. Не всем жителям Борка такая манера разговора с забойщиком скота нравилась, и некоторые из совхозников, увидев его ещё издали, старались свернуть в первый попавшийся переулок. Больше всего любителей пропустить «лекции» Говоруна было среди пенсионеров. Проводившие дни с апреля по октябрь на лавочках возле своих палисадников борокские старики и старушки, завидев в конце улицы разговорчивого забойщика, соскакивали с насиженных мест и, не стесняясь, врассыпную разбегались по домам. Проследив из-за ворот, кто в щёлочку забора, кто из окна веранды, когда Коля уйдёт подальше от их дома, они, с опаской озираясь, выходили на улицу и снова занимали места на лавочках.

— Прячутся, как тараканы, а потом выползают из своих щелей, — говорил про них Коля и иногда специально по пути от фермы домой обходил две-три улицы посёлка, где чаще всего сидели у своих домов совхозные ветераны. — Ничего, я

подожду, когда они сами меня к себе позовут, да ещё и привечать будут. Тогда и поговорим...

Если никто из людей на улице ему не попадался, а поговорить очень хотелось, Говорун беседовал с собаками и бродившими возле домов свиньями.

Несмотря на его странности, все до единого жителя посёлка Борок считали, что Коля-говорун человек хороший и делает очень нужное для людей дело.

Всем казалось, что Говорун в посёлке был и будет всегда. Но вот как-то холодным октябрьским утром проснулся Коля от боли в пояснице и понял, что подняться с постели не сможет. Скрутило — не разогнуться. С трудом достучался до соседей. Его увезли в районную больницу, где врачи признали радикулит и поставили диагноз: забоем скота он больше заниматься не сможет.

Неожиданная весть эта жителей Борка повергла в уныние.

Подходили праздники: ноябрьские, потом новогодние. Сало бежало с лоснившихся от жира кабанов, сходили с ума от переизбытка веса борокские быки. А бить и колоть их было некому. Управляющий Борокским отделением даже поставил этот вопрос на правлении совхоза, и директор хозяйства пообещал прислать в посёлок забойщика из центральной усадьбы. Но время шло, а из райцентра никто не ехал.

— Своих сначала забьют, на первом отделении, а потом к вам приедут, — сказал управляющему директор, когда тот снова обратился к нему с просьбой. — У нас своих не забитых ещё хватает.

— А нам что прикажете? До весны ждать? — спросил раздосадованный управляющий. — Весной наше мясо никому нужно не будет. Ни себе, ни на продажу...

— А ты свои кадры готовь, — посоветовал директор совхоза. — Не жди помощи. Что, у вас там в посёлке ни одного способного зарезать поросёнка мужика нет? Не поверю. Поставь пол-литра — и любой возьмётся.

— Да было дело, вызывались, — махнул рукой управляющий. — С ружьём пришли к одной бабушке двое, стрельнули хряку в голову, а он полчаса потом по сараю бегал, орал как недорезанный. Кровью весь пол облил. Бабку перепугал. Мужики сами из сарая выскочили и ждали, пока поросёнок замертво упадёт. Вот и весь их забой. Да и разделали потом как попало. Тут спецы нужны, а не так, шалтай-болтай.

— А этот у вас, скотник Борисов? — вспомнил вдруг директор. — Он же может. Подход к животным имеет. Мы не раз его поощряли. Пускай берётся.

— Да он непьющий...— сказал неуверенно управляющий.— Он с бычками своими как с людьми разговаривает, а мы его на забой...

— А ты премию ему пообещай! У него дочка растёт. Жена симпатичная. Их одевать надо, в город вывозить... Ну найди что сказать ему. Убеди!

Директор сделал акцент на слове «убеди», давая понять управляющему, что разговор на эту тему окончен.

По возвращении в Борок управляющий первым делом поехал на ферму и имел дело с Борисом Борисовичем. А чтобы не смотреть любителю животных в глаза, для разговора пригласил его жену и заведующую фермой.

— Ну что, Борис, возьмёшься? — спросил управляющий, когда всем стало ясно, зачем этот разговор.— Давай, помоги людям. Сам видишь, что в посёлке делается...

— Да не смогу я...— опустив глаза, сказал скотник Борисов.— Только подумаю, что делать надо, сразу слёзы сами наворачиваются... Извините.

— Ну ты же борщ с мясом ешь и сало на зиму готовишь? И люди тоже этого хотят,— продолжал убеждать управляющий.

— Ем я и сало, и борщ с мясом,— согласился скотник.— С детства меня к этому приучили. Я не задумывался, когда ребёнком был: ел, что мать давала. И сейчас ем, чтобы за сумасшедшего жена и дочка меня не приняли. А поросят и быков в хозяйстве не держу. Мясо у нас покупное. У нас только корова и куры.

— Да уж...— вздохнула жена Тамара.— Поросят мы сроду не держали...

— Мне сейчас тридцать пять лет,— сказал вдруг Борис.— А помню, как меня, ещё десяти-двенадцатилетнего, приглашали кабанчика успокоить. Я за ушком поросёнку чешу, а дядя Коляговорун уже нож из-за голяшки достаёт... До сих пор не по себе...

— Да брось ты тут, Борис, ребёнка из себя строить! — неожиданно резко заговорила заведующая фермой.— Тебе сейчас тридцать пять, говоришь, а будет скоро сорок, и пятьдесят потом будет! И надо будет ещё не один год работать здесь, среди людей, и жить не только своими интересами, но и интересами коллектива, и есть, как они, и пить! Так что берись сейчас же за дело, что поручают тебе твои руководители, старшие товарищи, и выполняй!

Борис, Тамара и управляющий, затихли, глядя на завфермой.

— Значит, так! Вот тебе приказ, считай его боевым,— продолжила командным голосом заведующая.— Иди сейчас же домой и подумай, как жить тебе дальше, а мы с управляющим

пока составим список по забою. По дворам. Завтра придёшь, получишь разрядку — и приступай! Понял?

— Понял... — пролепетал не ожидавший такого распоряжения от своей заведующей скотник Борисов.

— Пошли, Боря, пошли... — запричитала испуганная Тамара. — Утро вечера мудренее, всё решим к утру...

Тамара помогла мужу подняться и повела его к двери.

— До свидания, — сказала она, повернувшись, уже у порога.

— До свидания! — бросила вслед уходящим Борисовым таким же непримиримо-командным голосом заведующая фермой.

— Как думаешь, согласится? — спросил её управляющий, когда дверь за уходящими закрылась.

— Согласится! Куда денется? Завтра сам придёт как миленький...

И много думавший дома и не спавший полночи скотник Борисов пришёл утром к заведующей фермой и «как миленький» дал согласие стать забойщиком скота.

— Ты вот что, Борис, иди сейчас к дяде Коле-говоруну, — сказал ему управляющий, когда он пришёл в контору отделения за списком по забою. — Он хоть и ходит согнутым в дугу — земле кланяется, но дельные советы тебе даст. Сегодня надо кампанию по забою начинать. Хотя бы одного-двух пырнуть. Сейчас мы список доработаем с заведующей фермой, решим, с кого начинать надо. А твоё дело — резать, смолить и разделявать пока не твоя забота. Хозяева сами пусть про это думают... Нож-то у тебя хороший есть?

— Есть, — сказал новый забойщик, показывая управляющему нож длиной около двадцати сантиметров, с нешироким лезвием и нарезной ручкой. — Свояк в городе в исправительной колонии работает, заказал зачем-то зеку бесконвойному, тот и сделал, а он мне подарил. Как чувствовал, что пригодится. Сталь хорошая...

— Хороший нож, — оценил встретивший начинающего забойщика опытный дядя Коля-говорун. — Даже быка садануть годится.

В сгорбившемся, с палочкой, старичке трудно было узнать некогда неунывающего дядю Колю-забойщика.

— Ну что тебя учить? Ты сам хорошо повадки всех этих хрюшек знаешь. Полагаю, что даже лучше меня. Другое дело, почувствуют ли животные в тебе перемену. А ведь они такие, могут понять, что ты к ним пришёл в этот раз уже не как друг. Тут другая психология, особый настрой нужен. Старайся не думать, что идёшь на забой. Заходи в загон уверенно, как будто познакомиться,

приласкать хочешь. Разговаривай с ними, как говорил раньше. Они поверят и не почувствуют угрозы. Поначалу хотя бы,— наставлял дядя Коля Бориса, когда они сидели на кухне у Говоруна.

— Это на предательство похоже...— опустив голову, сказал Борис, в ту минуту ещё не представляя, как он будет первый раз в жизни колоть поросёнка.

— Это и есть самое хитрое, мерзкое предательство,— согласился опытный забойщик.— Тыходишь к ним в доверие, они ждут от тебя ласки и помощи, а ты бесцеремонно колешь их в сердце, забираешь их жизнь. Конечно, предательство. Но это только с философской точки. А с другой, более реальной, житейской стороны если посмотреть, то всё логично. Я раньше такой, как ты, был. Иду, бывало, мальцом по улице, а за мною все собаки окружи бегут. В дом к кому захожу — коты и кошки к ногам жмутся, ластятся. В сарае поросята с визгом бегут навстречу, хвостиками виляют, будто я им есть принёс. Но я быстро повзрослел, понял, для чего человек заводит, покупает, содержит, откармливает всех этих свиней, быков, овец, козлов. Да для того, чтобы пустить себе на прокорм. Самому прокормиться. Не то чтобы не умереть от голода, нет, человек и без мяса прожить сможет. Если захочет, конечно. А выращивает он домашних животных и откармливает, чтобы потом самому вкусненьким полакомиться. Порезать свинину, баранину и говядину на куски для шашлыков, сделать кровяную колбасу, налепить пельменей, нажарить котлет к празднику и ещё родственников пригласить на свежениночку. И всё это за столом, под бутылочку водочки, съесть, не задумываясь о том, что ещё вчера Борька или Машка, из которых сегодня пельмени сделали, хрюкали у тебя в сарае и ты вместе с детьми выходил их кормить. Ведь так? Я тебя спрашиваю: прав я?

— Прав,— кивнул Борис.

— Вот и ты согласен! Вот в этом и вся наша потребительская нечеловеческая логика по отношению к домашним животным. А раз так, то иди и ты — коли, режь и не задумывайся! Судьба у них такая — быть съеденными! Предназначен быть скотом — пойдёшь на пищу человеку, а не то тебя волки съедят!

Последние слова дядя Коля произнёс со смехом, и Борис снова увидел в нём того балагура, которого знал ещё в детстве. Он улыбнулся дяде Коле в ответ.

— О! Уже веселее! — обрадовался Говорун.— И как будто спина у меня распрямляться начала! Гляди, пойдуч с тобой в паре на забой!

— Пошли...— позвал Борис.

— И пойду. Только чуть спине легче станет — пойду! Ещё и не угонишься за мною.

— Да за тобой никто не угонится.

— Может, Бог даст ещё — и пойду, правда,— сделав серьёзным лицо, сказал мечтательно, но чуть со вздохом дядя Коля.— А теперь давай о технологии забоя поговорим.

— Давай...

— Начнём со свиней,— Говорун приподнялся, снял с плиты закипевший чайник, налил кипятку в эмалированные кружки.— Бери, Борис, сахар, заварка вот, в заварнике... За чаем лучше разговор пойдёт.

Борис кивнул, налил из заварника, зачерпнул ложечку сахара.

— Я думаю, что с забоем свиней у тебя сложностей не будет,— начал наставления дядя Коля-говорун.— Приласкаешь свинку или борова, почешешь, как умеешь, за ушком. Они это любят. Потом уложишь на бочок. Только остороженько за правую ногу переворачивай на спину и, выбрав момент, коли в сердце. Полминутки поддержи нож и вытаскивай. Он пикнуть не успеет, если всё правильно сделаешь. Некоторые забойщики берут себе помощников, чтобы ноги поросёнку держали. Бывает, свинья после укола дрыгается. Бывали случаи: поросёнок вырывался после удара ножом и бегал по сараю. Но это если не точно били, мимо сердца. Я сам всё время бил точно и в помощниках никогда не нуждался. Кольну, поддержи нож, поросёночек в лучшем случае хрюкнет еле слышно, а то сразу глазки закроет и помрёт. Тогда вытаскиваю нож и зову хозяев. Пусть разделявают. Понял?

— В общем, да. Но одно дело на словах...— отхлебнув чаю и поставив на стол кружку, вздохнул Борис.

— На практике, конечно, у начинающего не всегда всё хорошо получается,— согласился дядя Коля.— Ну хочешь — возьми себе помощника на первый случай. Никто тебя не осудит. Скажи управляющему, он назначит кого-нибудь толкового. Пусть побудет на подстраховке человек. Но главное всё же — настрой сам себя. От тебя только зависит, как пройдёт первый забой. А как он пройдёт, так и дальше дело пойдёт.

Борис сделал ещё глоток чаю и задумался.

Задумался и Коля-говорун. Он достал из кармана висевшей у двери куртки кисет, разложил на столе нарезанные из газеты прямоугольнички-заготовки, выбрал один, насыпал на него дорожкой табак, скрутил сигарку.

— Раньше я сам табак выращивал, теперь уже не могу,— сказал он, раскуривая самокрутку.— Но есть ещё старые

запасы. Жаль, что ты не куришь, а то угостил бы тебя. Пробовал бы — оценил мой табачок.

— Да не тянет меня к этому делу... — сказал, глядя на Говоруна, Борис. — С детства дым табачный не переношу почему-то. Хотя и отец у меня курил, и дед...

— Ну ты прямо как барышня! Я слышал, что ты и не пьёшь совсем. Правда?

— Не пью, правда, — кивнул Борис. — Пробовал водку, было дело, но потом так сильно голова болела, что больше не хочу.

— Ну и не пей! — одобрил Говорун преемника. — Правда, тяжело тебе придётся. Дело наше непростое. Иногда разрядка ой как нужна бывает! Даже необходимо порой нервишки успокоить. Опять же, звать тебя на свеженину будут, и выпивку предлагать, и мясо, и сало...

— Про выпивку не знаю, а вот от мяса с салом трудно отказать будет, — согласился Борис. — Меня Тамарка не простит, если узнает, что мне печёнку там или лытки на холодец предлагали, а я отказался.

— Да, тебе, друг, раз ты семейный, без оглядки на жену не обойтись, — выдохнув густой дым, сказал Говорун и подмигнул Борису. — Мне повезло, я холостяком прожил: ни перед кем не отчитывался! Знаешь, бабы эти, на первый взгляд, и интересные, и весёлые, и заботливые. Даже ласковые попадают! Но не знаю, как кто, а я вот заметил: только дай им чуть волю над тобой взять, и начнётся — не так сделал, не то сказал, не туда пошёл... Я вынести такие страсти не в силах. Вот и живу один. Никто мной не командует.

Борис снова хлебнул чаю и снова задумался.

— Ну ладно тебе, не тоскуй заранее! — подбодрил его дядя Коля. — Я ж тебе говорю: всё будет так, как поставишь сам себя. С животными — как с бабами: нужно себя поставить выше их. Быть их начальником. Теперь давай поговорим о быках. Я их тоже пырлял только ножом. И годовалых, и полутораговых, и двухлеток, и даже постарше. Тех, что постарше, бывало, привязывал перед забоем. На рога верёвку наматаю и к какой-нибудь стойке привяжу. Но в основном так колол, без привязки. Поглажу по спине, по шее его, успокою вроде, а сам нащупаю сердечко, послушаю, как оно бьётся, выберу момент и садану в то место ножичком. Рост мой мне позволял маневрировать: наклоняться, снизу проскакивать. Я-то метр шестьдесят пять всего ростом. А ты, вижу, поменьше меня ещё будешь...

— Метр шестьдесят один...

— Подходяще! — одобрил Говорун, выпуская дым в сторону печки.— Для забойщика нормальный рост! Вот дядька Серафим одно время здесь специалистом по забою слыл, так тот за метр восемьдесят был. Ходил, над быками возвышался. Он ещё до войны орудовал в Борке, и когда с фронта пришёл, продолжал колоть скотину. До начала шестидесятых почти работал... Потом уж я его дело перенял. Серафим не только высокий и крепкий в плечах был, но ещё и чертовски ловкий. На фронте в разведке служил. И что самое интересное, быков бил по-своему — глушил дубиной.

— Как дубиной? — оживился Борис.

— А вот так: брал здоровенный дрын и шёл на быка. Он никогда не церемонился, не раздумывал: подходил и сразу бил быка между рогов. Тот падал без сознания, а Серафим ножичком добивал его, подвешивал, разделявал... Специалистом широкого профиля был. И бил умеючи, так, чтобы шкуру не попортить и череп не проломить.

Дядя Коля-говорун, продолжая курить, смотрел на Бориса. Тот, было видно, слушал его внимательно.

— Серафим личностью легендарной был! — продолжал рассказ дядя Коля.— Он и на медведей ходил с одним ножом. Сам мне рассказывал, как я тебе сейчас, что звали только его, если медведя-шатуна в округе заметят. И он всегда откликался, шёл. Правда, привирал, когда рассказывал потом о своих подвигах. Не без этого. Вот сам вот посуди. Говорит он мне: вижу, мол, медведя — сразу скидываю с себя тулуп и иду к нему смело с ножом, а медведь, увидев меня, встаёт на задние лапы и тоже идёт навстречу, растопырив вперёд когти, будто обнять хочет, как друга закадычного, которого много лет не видел. И представь, что он мне дальше говорил, Серафим! Мол, подходит он вплотную к медведю, на полметра всего, а тот его в объятья уже захватывает, лапы передние смыкает. И пока мишка разводит лапами, Серафим вонзает ему нож чуть ниже грудной клетки, резко приседает, распарывая при этом медведю брюхо до самого паха, а сам ловко ныряет между ног косолапому и оказывается сзади него. И пока ни черта не понимающий медведь ревёт и заталкивает обратно выпирающие из его брюха кишки, Серафим, изловчившись, колет его ножом под самое ухо. Косолапый готов — падает лицом в сугроб. Как тебе такая история?

— На охотничью байку похоже,— улыбнулся, выслушав рассказ дяди Коли, Борис.— Анекдот какой-то.

— Да и я так думаю,— засмеялся дядя Коля.— Представить себе даже не могу: как мужик метр восемьдесят ростом между

ног медведю проскочил? Это мы с тобой, при нашем росте, наверное, смогли бы, пока мишка пыжился, кишки свои собирал... И то не уверен... Один раз говорит мне Серафим: я и на фронте ножом орудовал. В разведке, говорит, бывало, иду первым, врываюсь с ходу во вражескую траншею, встану перед немцами, а те понять ничего не могут, только глазами хлопают. Ну, я двоих-троих проткну ножичком — и быстро наверх. Пока фашисты соображают, что же произошло, наши бойцы под шумок «язычка», а то и двоих из полусонных офицеров с собой прихватят. Я не всегда нашему Серафиму Тимофеевичу верил, но у него из боевых наград приличный иконостас был: два ордена Славы, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». Значит, что-то и правдой было из его рассказов. И медведей он точно забивал. Я сам видел, как однажды мужики приволокли на еловых ветках из тайги здорового шатуна. Все говорили, что его Серафим один уложил.

— Так выходит, дядя Коля, что тебе Серафим Тимофеевич свой опыт передал, а ты — мне, — ещё более оживился Борис. — Получается преемственность поколений, передача опыта от одного другому.

— Передача опыта по забою крупнорогатого и безрогого скота! — засмеялся Говорун. — «Мастер-наставник передаёт опыт начинающему забойщику» — статью с таким названием надо в газету написать и фото наше с тобой поместить!

— А ещё ножи наши сфотографировать и дубинку Серафима Тимофеевича, которой он быков глушил! — тоже засмеялся Борис.

— Я думаю, дело у тебя пойдёт, — сказал дядя Коля, — коли ты со смехом и улыбкой инструкции мои слушаешь! А я про дубинку Серафима не зря тебе рассказал. Сейчас с дубинами на быков не ходят. Сейчас, я читал, за границей электротоком на бойнях быков бьют. Наши тоже, слышал, начинают на мясокомбинатах метод этот перенимать. Но пока только в качестве эксперимента, не в большом масштабе. Учёные спорят: вредно ли это для здоровья или нет. Нашего, конечно. Тем, кто мясо есть будет. Быкам уже ничего не вредно, — дядя Коля снова засмеялся. — До наших мест такая технология не скоро дойдёт, так что будем ножичками здесь ещё орудовать. На таких спецов, как мы с тобой, ножей пока хватит! Однако тебе я всё же советую: как начнёшь с быками работать, сделай кувалдочку деревянную. Сантиметров на двадцать. Лучше берёзовую, охватом в одну-полторы руки, и рукоятку из той же берёзки. По краям лучше оббить тонкой жостью, можно крышку от банки вставить с торца или чуть тяжелее кругляк какой железный. Потренируйся сначала, рассчитай силу своего

удара. Если правильно, чуть выше глаз быку саданёшь — он сразу без сознания на два копыта, а то и на все четыре грохнется, Тогда уже вяжи его сразу, подкалывай. С быками больше мороки, чем с кабанами. Надо шкуру с них снимать, разделявать правильно, чтобы мясо не попортить. Это поросёнка зарезал — и зови любого с паяльной лампой. Хотя не любого. Там тоже надо умеючи всё делать. Я с поросятами, сам знаешь, не связывался. А вот с быками, овцами, баранами пришлось. И хотя не любил это дело, но и шкуру, было дело, сам снимал, и кровь сливать приходилось.

— А баранов, я слышал, легче резать? — спросил Борис наставника.

— Баранов и овец, конечно, полегче, чем быков, — согласился Говорун. — Хотя они и упёртые, но на забой идут спокойно. Как бараны! — дядя Коля уже совсем громко засмеялся и налил в чайник новой воды. — Давай, Бориска, ещё чайку заварганим. Не торопись за дело браться. Хорошо изучить теорию — основа дела. Согласен?

— Согласен! — кивнул Борис.

Ему не хотелось возвращаться на ферму, где заведующая с управляющим, скорее всего, уже составили для него «начальный забойный список».

Говорун как-то вдруг легко разогнулся, поднялся, подскочил на табурет возле печки и достал сверху баночку с заваркой и, как понял Борис, ещё один кисет с самосадам.

— Ты чай заваривай, а я пару самокруток сооружу за это время, — сказал он Борису, отдавая баночку с заваркой. — Ещё с часик посидим, покалякаем. Подождут наши хрюшки. Поживут ещё пусть малость.

Борис насыпал в чайничек заварки, дядя Коля достал мёда, налил в блюдце.

— Кого мне только не приходилось в своей жизни лишать жизни: и зверья разного, и птицы всякой, — затянувшись новой сигаркой, стал рассказывать Говорун. — И почти всегда не по своей воле это делал! Мне-то самому и не надо, в принципе, было. Зачем? Прожил бы и так, не окровавив руки. Но как отказать, когда утром в окно стучит какая-нибудь бабка старая, что через улицу живёт, и просит зарубить индюка? Сама уже не может, ослепла. «Общипать ещё общипаю, — говорит, — и суп сварю, а вот с топором не сородую». Ну что мне делать? Отказать бабке? Иду рубить индюка, или петуха, или утке голову... На гусей в ноябре всегда большой спрос — целыми выводками бить приходилось... Сколько птицы порубил — не сосчитать. И почти

каждый раз какие-нибудь истории приключаются. Петухи, например, почуяв смертушку, так удирали от меня — по дворам ракетами летали. Я их на специальную петлю ловил: привязывал к шесту верёвку и подсекал за ноги. С индюками полегче, но тоже сопротивляются, клюнуть тебя норовят, пугают, дуются. Но не такие шустрые, как петухи. Индюка схватить, главное, сразу, резко перевернуть вниз головой и — на чурку. Птицы, они почти все волнуются перед забоем. Утки, к примеру, такой гвалт поднимают — на всю деревню слышно. А гуси по сравнению с ними смирные. Те сами выстраиваются в очередь и идут гуськом один за другим на плаху, дисциплинированно, как по приказу. А потом, не поверишь, головки на чурочку кладут и вытягивают. Руби, мол, чего ждёшь? За этим и пришёл с топором. Тюкнешь их по шее топориком, поддержишь немного за ноги — и отбрасывай: голова в одну сторону, тушка в другую... Жалко их, но как подумашь о гусятине с запечёнными яблоками или кашей гречневой напичканными и с потрошками, так сразу жалость пропадает. Ты пробовал, Борис, поджаренного гуся, напичканного гречневой кашей с потрошками? Мне нравится...

Борис молчал. И опытный забойщик снова отметил про себя, что начинающий опять пригорюнился.

— Но что делать, Боря? И ты тоже не по своей воле на такие дела идёшь вот. Нам с тобой, видимо, на роду судьбой написано таким вот промыслом в жизни заниматься. Не управляющему нашему, не мужу заведующей фермой, не директору совхоза и даже не соседу моему Витьке-комбайнёру, а нам с тобой. На нас выбор пал. Может быть, даже свыше. Вот такие дела...

— Дядя Коля, а ты лошадей убивал? — спросил вдруг Борис очень тихо, почти шёпотом, будто надеясь, что дядя Коля не услышит его вопроса.

— Лошадей, Боря, легче всего и жалче всего убивать... — отложив в пепельницу сигарку, ответил ему тоже чуть слышно опытный забойщик. — Лошади перед смертью плачут. Прямо слёзы настоящие текут у них из глаз. Ты подходишь к лошадке, а она отворачивается, старается на тебя не смотреть, а слёзы так и льются с двух сторон ручьями. Погладишь её по груди, нащупаешь вмятинку посередине — «яблочко» так называемое, сердечко там постукивает, а ты ножичком в это «яблочко» — р-раз. А она, лошадоочка, тихо, без стопа, перед тобой, подогнув коленки, и падает.

— Ой, нет! Нет! Нет! Не смогу, не смогу я! — соскочил вдруг из-за стола Борис.

Слёзы ручьём побежали из его глаз. Он, вытирая их рукавом куртки, бросился к двери.

— Дядя Коля, скажи управляющему, что я не смогу! — уже не то чтобы громко плача, а просто рыдая, закричал Борис. — Не буду я! Не буду! Пусть он ищет кого-нибудь другого!

Через тридцать лет Борис Борисович Борисов стал самым уважаемым в Борке человеком. Лучшим мастером по забою скота. Все говорили, что превзошёл в этом деле он своего наставника дядю Колю-говоруна. За годы работы он не только постиг в совершенстве науку забоя, но и стал специалистом по разделке. С лёгкостью кромсал подвешенную или аккуратно уложенную тушу, не оставляя отходов. Кости, кишки, кровь — всё у него шло в дело. Его требования в посёлке знали и если приглашали на забой, то готовились к его приходу, как к визиту губернатора.

За время своей многолетней практики Борис Борисович превратил в килограммы и тонны мяса сотни откормленных хозяевами свиней, овец и баранов, десятки быков, бесчисленное количество птицы: курей, уток, гусей, индюков. Случалось ему лишать жизни и лошадей. Три или четыре раза. И даже одного больного, сломавшего ногу оленя. А один раз сделал он то, чего никогда бы в своей жизни не сделал его наставник дядя Коля, — убил собаку. Взбесившуюся овчарку, покусавшую школьника. Но одно правило дяди Коли-говоруна соблюдал Борис Борисович свято и неукоснительно: никогда не брал в руки ружья. Со временем приходил к нему опыт, а с опытом познавал он всё новые и новые секреты своего непростого дела. Применял и деревянные кувалдочки, и похожие на шампуры штыри, мастерил специальные клинья и другие одному ему понятные приспособления. Всё всегда у него получалось как надо. Как и в первый его раз, когда рассердившийся не на шутку управляющий отделением совхоза, узнав, что Борис сбежал от Говоруна, выгнали его из дому и привёз на забой.

— Хватит хандрить! Вон боров — иди коли! — показал он на полуторогодовалого хряка.

И Борис, понимая, что пути назад нет, пошёл.

— Постой, — остановил его возле сарая управляющий. — Может, выпьешь для решительности?

— Нет! — отрезал тогда Борис и, сам не ожидая от себя такой прыти, подойдя к борову, ловко схватил его за ногу, резко перевернул на спину и всадил нож в сердце.

Так он потом в большинстве случаев и поступал: смело, решительно, казалось, не думая.

Про кувалдочку Борис Борисович вспомнил, когда подъехали к дому Федыки: «Придётся без неё. Не ехать же за ней специально?»

Возле дома Просовых собралось уже много народу. Было многолюдно и во дворе: жена Федыки, двое парнишек-подростков, мужики из мясокомбината, водитель, ветфельдшер и даже участковый с ружьём.

— Ты что с ружьём, Никита? — спросил его Борисыч.

— Да на всякий случай, дядя Боря,— ответил старший лейтенант.— Полпосёлка всполошилось с утра. Ну и я ружьё прихватил. Своё. Пистолет-то у меня табельный. Чуть что — за патроны отвечать надо...

— Думаю, ружьё нам не понадобится,— сказал Борис Борисович.

— Хорошо бы,— вздохнул участковый.— Хорошо бы без стрельбы обошлось...

— Обойдётся...

Бык стоял за заваленной чурками телегой, подпирающей выход из огорода, и, тяжело дыша, смотрел поверх голов собравшихся людей.

— Фёдор, у тебя кувалда есть? — спросил забойщик хозяина.

— Должна быть. Сейчас поищем,— ответил тот и тут же приказал одному из сыновей: — Валька, беги в дровник, тащи кувалду.

— Вы пока верёвку готовьте и чурки с телеги убирайте,— сказал Борисыч мясокомбинатовским мужикам.

— Так верёвка наша, это... на рогах у быка,— ответил один из мужиков.— Мы-то сразу, ещё в сарае, ему её завязали и повели, а он вырвался. Другой нету...

— Ну молодцы, мать вашу! — «похвалил» их забойщик и приказал хозяину: — Федыка, срочно ищи верёвку или вожжи какие-нибудь!

— Сейчас, сейчас, Борисыч, найдём чего-нибудь,— засуетился Федыка.

— А вы не стойте, убирайте чурки и отодвигайте телегу! — бросил забойщик мужикам.

Мужики взялись за работу, но не торопясь, с оглядкой на калитку.

— А он не вырвется? — поинтересовался участковый.

Забойщик не успел ответить — подбежал сын Фёдора, подал кирку.

— Я ж кувалду просил! — удивился Борисыч.

Малец пожал плечами.

— Фёдор, что там с верёвкой? — крикнул забойщик в сторону дома.

— Ищу, ищу, дядя Боря! Были вожжи где-то! — отозвался Фёдка из сеней.

— У тебя наручники с собой? — спросил Борис Борисович стоявшего рядом старшего лейтенанта.

— С с-собой... — ответил тот удивлённо.

— Отложи ружьё и доставай...

— Зачем?

— Быка окольцовывать будешь. Я его сейчас лишу сознания, а ты на него наручники наденешь, как на осуждённого преступника, понял?

— Наручники — имущество казённое, — неуверенно сказал участковый Никита. — А если он их ломает?..

— Не ломает, — сказал Борисович, поднимаясь с киркой на телегу, ближе к быку. — Готовься...

Бык стоял не шевелясь, дышал тяжело, оттопыривая ноздри, красные глаза вокруг зрачков были налиты гневом.

— Васильич, у тебя всё готово? — спросил забойщик фельдшера.

— Всё вроде... — прохрипел тот.

— Не теряйся, как упадёт — перелезай через калитку за мной и сразу укол втыкай!

— Добро, сделаю! — ответил фельдшер.

В его голосе слышались уверенность и даже весёлость.

— И ты сразу за нами — и наручники застёгивай выше копыт! — скомандовал Борисыч старшему лейтенанту.

Борисыч приблизился к поломанной калитке. Голова быка Бориса находилась на уровне груди забойщика.

— Ну, прости, тёзка, я постараюсь немного.

Борисыч развернул кирку и, сделав небольшой замах, плашмя ударил быка в лоб повыше глаз.

Борька захрипел, просел на передние ноги и опустил голову. Поникшие рога врезались между штакетин.

— Быстро за мной, через забор! — скомандовал Борисыч фельдшеру и участковому, наступая прямо на голову быка, спрыгнул в огород.

— Давайте сюда тоже! — крикнул он растерявшимся было мужикам из мясокомбината.

Фельдшер Васильич первым оказался возле забойщика и всадил шприц в шею Борьке.

— Молодец! — похвалил его Борисыч,
Трое мужиков и участковый освободили Борьке рога, с
трудом перевернули на спину.

— Тяжеленный! — сказал один из мясокомбинатчиков.—
Помучимся, пока грузить будем.

Борисыч свёл передние ноги Борьки и кивнул участково-
му:

— Давай!

Старший лейтенант застегнул быку наручники сантиме-
тров на десять выше копыт.

Подошёл и Фёдка.

— Вот вожжи старые нашёл,— сказал он, показывая их за-
бойщику.

— Ну, ты сам скотник,— сказал ему Борисыч.— Думаю,
связать как надо сможешь. А мужикам скажи: пусть убирают
телегу, загоняют машину во двор и грузят!

— Борисыч, а как наручники? Я же за них отвечаю! —
спросил участковый.

— А ты езжай с ними в город,— посоветовал ему забой-
щик.— На мясокомбинате снимешь и заберёшь своё имущество.

— Ладно,— согласился старший лейтенант. Было видно,
что он недоволен.— Я только ружьё домой унесу. Пусть меня
пождут.

— Спасибо тебе, Борисыч,— поблагодарил повеселевший
Фёдка, скручивая быку задние ноги.— Ты иди уже домой, мы
без тебя погрузим. А вечером, как я тебе обещал, отвезу тебя
на твой покос.

Когда Борис Борисович вышел за ограду Фёдкиного
дома, у ворот стояло ещё больше народу — в основном пенси-
онеры и дети.

— Представление пришли посмотреть? — спросил их Бо-
рисыч.

Ему никто не ответил, но некоторые смотрели на него с
уважением и проводили взглядом до проулка.

Вот и вчера смотрел на него так же, с уважением, корре-
спондент из районной газеты, когда Борис Борисович специ-
ально заставил его и зятя держать ноги поросёнка, перед тем
как заколоть. Сделал это он больше для того, чтобы дружок
зятя — корреспондент — почувствовал на практике, что такое
забой. И писал потом свою статью, основываясь на собствен-
ном опыте, а не по рассказам других. Когда после удара ножом

в сердце кабанчик с силой дёрнул ногами, корреспондент ногу его удержал, а вот зять Виталька — выпустил. Но всё обошлось.

Потом на кухне, за обедом, подвыпивший корреспондент рассуждал про то, что слово «забойщик» правильнее применять к работникам шахт и рудников, работающих в забоях, а в данном случае, скорее, нужно говорить «убойщик».

— Убойщик скота — так вашу профессию называть надо,— говорил корреспондент Андрей.

— Ты называй там у себя как хочешь, но у нас испокон века тех, кто режет скот, забойщиками звали. В нашем посёлке уж точно,— сказал ему Борис Борисович.

— Да и в райцентре тоже,— подтвердил слова тестя зять Виталий.

— Хорошо, я напишу, что вы забойщик высшего пилотажа,— согласился корреспондент.— Хотя и слово «пилотаж» применимо только к лётчикам. К пилотам-спортсменам. Но я как-нибудь это в материале обыграю,— мечтал, уже в предвкушении вышедшей в газете статьи, захмелевший корреспондент.

— Да я и не сомневаюсь, Андрюха, что ты обыграешь всё как надо и напишешь, как всегда, здорово. Весь край потом читать и восторгаться нашим Борисычем будет! — говорил, наливая очередную рюмку самогона, зять Бориса Борисовича фельдшер Виталий Петрович.

А через два дня после этого в районной газете «Колос» вышел очерк корреспондента Андрея Кузнецова «Забойщик высшего пилотажа» с фотографией жителя посёлка Борок Бориса Борисовича Борисова. Предваряя рассказ о жизни и работе известного на весь район забойщика скота, корреспондент в начале материала сделал врезку-пояснение со ссылкой на современный словарь делового общения: «Высший пилотаж — превосходная степень сложности поставленной задачи, при решении которой подразумевается огромный объём аналитической или другой нетривиальной работы».

Автор же этого рассказа, познакомившись с очерком, согласился с современным определением понятия «высший пилотаж», однако рассказ свой назвал иначе: «Забой скота по высшему пилотажу».

Думаю, что читатель с ним согласился.